

Ассоциация российских религиоведческих центров
V Конгресс российских исследователей религии
18–20 ноября 2021 г.
Санкт-Петербург
Государственный музей истории религии

«РЕЛИГИЯ И АТЕИЗМ в XXI веке»

Секция 2.

Культы святых в Северной и Центрально-Восточной Европе: инструменты социализации, культурные коды и историческая память.

(в рамках проекта РНФ № 21-48-04402 «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)»)

Модераторы А. И. Филюшкин, Р. А. Соколов

1. Соколов Роман Александрович (Институт истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург) *(в рамках проекта РНФ № 21-48-04402)*
Культ Александра Невского: от святого к герою или от героя к святому?

Истоки формирования современной исторической памяти об Александре Невском были заложены в петровскую эпоху, когда произошло включение его образа в идеологическую систему Российской империи и правящей в ней династии. Источники позволяют сделать вывод, что император предпринял попытку придать этому святому статус покровителя военно-морского флота, однако реализовать данный план не удалось в силу ранней кончины царя. В последующем вплоть до 1917 г. культ Александра продолжал носить ярко выраженные светско-государственные черты, сохраняя одновременно важную духовную составляющую. После революции князь оказался «забыт». Произошло это в силу его «связей» с Романовыми и с церковным почитанием, а также в силу общей исторических реалий. В противоположность этому для эмигрантов его образ оставался актуальным как «часть» утраченной Родины. В СССР ситуация изменилась, начиная с 1937 г., важной вехой чего стал выход на экраны кинофильма С. М. Эйзенштейна и Велика Отечественная война, особенно актуализировавшая исторический опыт национальных героев.

Анализ источников позволяет сделать вывод, что во второй половине XX в. общественный интерес к личности Александра Невского не затухал, хотя стал гораздо слабее, нежели чем в 1937-1940-х годах, однако в этот период реализовывались серьезные научные и культурные проекты, связанные с его именем. Часть из них была завершена (Комплексная экспедиция Г. Н. Караева, памятники в Усть-Ижоре и Переславле), другие остались не доведенными до конца (новый фильм о князе на «Ленфильме») или затянута на десятилетия (памятник на Чудском озере). Материалы документов показывает, каким образом такие проекты воплощались в жизнь, или демонстрирует причины, по которым они были свернуты в тот или иной период. Общим выводом такого исследования стало то, что в советское время относительно исторической оценки деятельности Александра Невского существовал двойственный подход: с одной стороны, - это полководец и национальный герой, а с другой – представитель «чуждого» класса. При этом его статус святого посредством «технологии умолчания» искусственно выносился за скобки.

После 1991 г., в противоположность многим другим героям – идеологическим символам советской эпохи, историческая память об Александре стала переживать период «ренессанса». Причиной этому стало то, что образ князя, будучи принятым в течение XX в. общественным сознанием и отчасти властью, не оказался, тем не менее, в одной системе координат с советской идеологией. Более того, статус святого, игнорируемый в течение десятилетий, придал его почитанию новый импульс.

2. Филюшкин Александр Ильич (Санкт-Петербургский государственный университет) *(в рамках проекта РНФ № 21-48-04402)*
«За святую Софию!» Культ святых и формы местной лояльности (Северо-Запад средневековой Руси, Великое княжество Литовское и Ливония)

В докладе будут рассмотрены формы лояльности средневековых обществ (прежде всего городских общин), связанные с культом местных святых и почитанием локальных церковных центров (храмов, монастырей). Местные церковные культы, нередко не совпадающие с общепризнанным государственным пантеоном, играли важную роль в формировании локальной идентичности. Благодаря им возникала (и далее сохранялась) духовная уникальность региона, его отличие от других. Преданность городу, селу, монастырю, земле обретала конкретные признаки и ритуалы. Интересно сравнить разные модели этого процесса: для Новгородской и Псковской земель эпохи средневековья культы местных новгородских и псковских святых опирались на поддержку местных социумов, прежде всего знати и духовенства. Это способствовало складыванию особой идентичности, противопоставляемой соседям, особенно Литве и Москве. Исповедывание местных культов становилось отличительным знаком новгородской и псковской лояльности своим республикам.

По-иному шли процессы в Великом княжестве Литовском и в Ливонии. Здесь долгое время не было своих святых, а номенклатура культов святых заимствовалась из католической Европы и Скандинавии. Их почитание было знаком лояльности и принадлежности к правящему слою (литовцы и поляки в ВКЛ, немцы в Ливонии). Христианские локальные культы у средневековых эстов, латгалов и ливов неизвестны, их идентичность, которую пытались сохранить в условиях немецкой колонизации, базировалась на тайной памяти о язычестве. Русины ВКЛ в качестве своих святых почитали святых древнерусского периода, правда, местных культов было немного. Почитали общерусских святых киевского периода, потому что для идентичности русина, противопоставления католическим «политическим народам» этого было достаточно. Но, возможно, из-за слабости местных идентичностей (одной из причин которой была неразвитость культа местных святых) в составе ВКЛ до XVI в. не возникло новых крупных русинских анклавов (кроме исторически сохранившейся от Древнерусской эпохи Волыни и «Русьского воеводства» с центром во Львове).

3. Вебер Дмитрий Иванович (Санкт-Петербургский государственный университет) *(в рамках проекта РНФ № 21-48-04402)*
Христианизация Балтийского региона и первые святые. Сравнение Пруссии и Ливонии

В докладе рассматривается процесс появления первых святых в Балтийском регионе, в частности в Пруссии и Ливонии. Процесс христианизации этих земель, как и других, сопровождался зачастую канонизацией святых, которые были либо миссионерами, либо клириками, занимавшими те или иные церковные должности, чаще всего епископские или архиепископские. Данный процесс встраивался в формирование христианской истории региона. В случае с Пруссией можно говорить о появлении двух святых, Бруно Кверфуртского и Адальберта Пражского, которые внесли серьезный вклад в укрепление христианской веры в Пруссии. В отличие от них, епископ Мейнард, важная фигура для раннего этапа христианизации Ливонии, не был канонизирован в Средние века (это произошло только в 1993 при папе Иоанне Павле II), хотя почитался почти наравне с двумя предыдущими, о чем есть упоминания в хронике Генриха Латвийского. Официальная канонизация в одном случае и ее отсутствие в другом, демонстрирует различия в становлении христианства в этих двух близких регионах. В данной ситуации канонизация святых выступает маркером не только религиозных, но и политических процессов.

4. Шахнович Марианна Михайловна (Санкт-Петербургский государственный университет) (в рамках проекта РНФ № 21-48-04402)

Культ святых в исторической науке и антирелигиозной пропаганде 1920-х годов в СССР

Автор доклада показывает, что в течение десяти лет на фоне печально известной капании по вскрытию мощей, осуществлявшейся в Советской России начиная с 1919 года, в стране было опубликовано большое количество работ, посвященных почитанию святых, которые были неоднородны по своему содержанию и направленности. Автор выделяет три группы публикаций, исходя из их целей, задач и академичности содержания. Во-первых, это – труды по агиографии, истории культов, паломническим практикам, написанные с применением актуальных в ту пору научно-исследовательских стратегий на основе изучения средневековых западноевропейских и древнерусских источников (работы О.А. Добиаш-Рождественской, Г. П. Федотова, В. П. Адриановой-Перетц, В. В. Рожицына). Ко второй группе следует отнести опубликованные историко-публицистические сочинения российских и переводы зарубежных авторов, описывающие историю канонизации тех или иных христианских святых, но критикующие народные и церковные рассказы о связанных с ними чудесах. Авторы этих сочинений опирались на критическую традицию, восходящую как к протестантским, так и просветительским трудам XVI-XIX вв. Третья группа – это антирелигиозные брошюры и статьи, направленные на разоблачение культа мощей и «церковного обмана», написанные в русле идеологического заказа, отражающего государственную политику в области религии.

5. Смирнова Ирина Николаевна (Санкт-Петербургский государственный университет) (в рамках проекта РНФ № 21-48-04402)

«Что останется от русской святости?» Организация охраны церковных ценностей после Октябрьской революции 1917 г. (новые документы)

Согласно положениям декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятого 20 января (2 февраля) 1918 года, все имущество церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием. Таким образом, был запущен процесс отчуждения церковного имущества, в том числе — большого объема художественно-исторических ценностей — в пользу нового государства. Он происходил при активном участии художественной интеллигенции, заинтересованной в организации охраны культурных ценностей, относящихся к церковному имуществу. Это было особенно актуально на фоне участвовавших случаев грабежей в храмах и монастырях на территории страны. В Петрограде одним из первых органов, поставивших вопрос об охране таких ценностей и храмов на территории столицы, стала Соединенная художественно-историческая комиссия при Зимнем дворце.

Комиссия, изначально созданная для описи дворцового имущества в 1917-м году, к 1918-му году практически приобрела функции Государственного совета по делам искусств. По сей день со стороны исследователей ее работе не уделено достаточного внимания, несмотря на серьезный пласт архивных документов, включающих в себя машинопись журналов заседаний комиссии, которые являются источниковой базой для такого исследования. Эти журналы дают возможность определить, каким образом осуществлялось участие данного органа в охране церковного имущества, а также понять его роль в том, что сам процесс фактического изъятия культурных ценностей оказался затянут. Последнее обстоятельство прямо противоречило духу и, отчасти, букве указанного выше декрета. Таким образом, деятельность комиссии оказалась существенным вкладом в выполнение важнейшей задачи сохранения от уничтожения и разграбления культурных ценностей, находящихся до 1917 года в ведении церкви.